

МОДЕРНИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (ПРИНЦИП «ОБМЕНА»)

MODERNIZATION OF MODERN RUSSIA: INSTITUTIONAL ASPECT (PRINCIPLE OF «EXCHANGE»)

А. П. Шитов, кандидат философских наук

Л. В. Рубцова, соискатель

На основе макро- и микроэкономики рассмотрены основные направления институциональных преобразований в процессе модернизации России в условиях постиндустриального общества. Институты задают систему стимулов, направляя деятельность субъектов по соответствующему руслу, что снижает неопределенность и делает социально-экономическую среду более предсказуемой. «Обмен» – это баланс интересов различных групп и слоев общества, выражающийся в социальном согласии по поводу распределения ресурсов и общественного продукта. Системное достижение поставленной цели в России состоит в переходе ее экономики от экспортно-сырьевого к инновационному социально-ориентированному типу развития.

Basic directions of the institutional change in the process of modernization of Russia's post-industrial society are discussed on the basis of macro- and microeconomics. Institutions set a system of incentives and direct activities of the subjects to respective channel, which reduces uncertainty and makes the socio-economic environment more predictable. «Exchange» means a balance of interests of different society groups and sectors that manifests social acceptance of the distribution of resources and social products. System achievement of this goal in Russia consists in transition of its economy from the raw material export pattern to the innovative social-oriented type of development.

Les orientations fondamentales du changement institutionnel dans le processus de modernisation de la société russe post-industrielle sont examinées sur la base de macro-et microéconomie. Les institutions fixent le système d'incitation, afin de diriger les activités des sujets de la voie correspondante, ce qui réduit l'incertitude et rend l'environnement socio-économique plus prévisible. «Echange» – signifie un équilibre des intérêts des différents groupes et secteurs de la société, qui se manifeste dans l'acceptation sociale de la distribution des ressources et des produits sociaux. Le système à atteindre cet objectif en Russie consiste en transition d'économie nationale du modèle d'exportation de matières premières à une type de développement innovatif et socialement orienté.

Grundlegende Richtungen des institutionellen Wandels in den Prozess der Modernisierung des russischen post-industriellen Gesellschaft sind auf der Grundlage von Makro- und Mikroökonomie erörtert. Institutionen setzen solch ein Anreiz-System, die die Aktivitätsleitungen der Subjekte auf entsprechenden Kanäle reicht, die Unsicherheit reduziert und den sozio-ökonomischen Umfeld besser vorhersagbar macht. «Austausch» ist ein Gleichgewicht der Interessen der verschiedenen Gruppen und Bereichen der Gesellschaft, der den gesellschaftlich Akzeptanz über die Verteilung der Ressourcen und der gesellschaftlichen Produkte manifestiert. Ein System, um dieses Ziel in Russland zu erreichen, ist besteht in Bewegung seiner Wirtschaft vom Rohstoffexportmuster zu einem innovativen sozial orientierte Art der Entwicklung.

Ключевые слова: институциональные преобразования, обмен, модернизация, человеческий капитал, постиндустриальное общество, макро- и микроэкономика, ценности человека.

Key words: institutional changes, exchange, modernization, human capital, post-industrial society, macro- and microeconomy, human being values.

Mots clefs: changements institutionnels, échange, modernisation, capital humain, société post-industrielle, macro-et micro-économie, valeurs humaines.

Schlüsselwörter: institutionellen Veränderungen, Austausch, Modernisierung, Humankapital, post-industriellen Gesellschaft, Makro- und Mikroökonomie, Mensch-Werte.

Авторы отдают себе отчет в претенциозном названии статьи. Наша попытка обусловлена стремлением найти реперные точки своеобразного преломления совпадения потребностей и интересов человека с потребностями и интересами общества и государства.

«Переходи реку, ощупывая камни», – советовал Дэн Сяопин, «отец» современной китайской экономики. В основе модернизации всех сфер жизни российского общества и государства закономерно находятся институциональные преобразования со своими «камнями» разного содержания, действия. Полагаем, будет уместно суждение лауре-

ата Нобелевской премии по экономике Д. Бьюкенена: «Политика – это структура сложного обмена между индивидами, структура, в которой индивиды стремятся коллективно обеспечить свои собственные, частным образом определенные цели, которые нельзя реализовать посредством простых рыночных обменов»¹.

Очевидно, что политические и экономические действия на макро- и микроуровне носят характер своеобразного обмена. Он детерминирован не только политическими и социально-экономическими факторами, но и другими условиями, которым соответствует научная теория.

¹ Бьюкенен Д. Конституция экономической политики // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: В 5-ти т. Т. 5 (в 2-х кн.): Всемирное признание. Лекции нобелевских лауреатов. Кн. 1. М.: Мысль, 2004. – С. 566.

Построение теорий, как отмечал один из выдающихся ученых современности П.А. Сорокин, опирается на эмпирический, рационалистический и интуитивный методы. Это означает, что теории невозможны без анализа эмпирических данных, без логических средств упорядочивания бесконечного множества явлений в систему, а также без интуиции и вдохновения, получаемых непостижимыми и сокровенными способами. Если все эти моменты присутствуют в макросоциологической теории, то они увеличивают наше знание об обществе не только благодаря своим открытиям, но и своим заблуждениям, без чего невозможно понимание роли и места науки в развитии¹.

Поступательное развитие постиндустриальной эпохи, с одной стороны, обостряет противоречия этого процесса, с другой стороны, облегчает выбор их решения из уже наработанных «инструментальных» возможностей, как социального, так и экономико-технологического характера предшествующей индустриальной эпохи, с учетом эффективного использования ограниченных ресурсов, как природных, так и людских. Различные управленческие решения (особенно в макроэкономике) во многом объясняют уровень экономического мышления, экономической культуры общества/государства.

Лауреат Нобелевской премии по экономике Ф. Хайек говорил: «Признание непреодолимых пределов его [человека] знания должно преподать исследователю общества урок смирения, который должен предохранить его от соучастия в пагубном стремлении людей к контролю над обществом – стремлении, которое не только превращает его в тирана своих ближних, но и способно сделать его могильщиком цивилизации, которая не создавалась по замыслу какого-либо разума, а выросла из свободных усилий миллионов людей»².

Необходимые институциональные преобразования способствуют эффективности должного развития (в интересах людей) через осознаваемое инвестирование в «человеческий капитал» в широкой интерпретации этого понятия, где на первом месте – формирование ценностей человека и ценностей общества, имеющих непреходящее значение³. Эволюция экономических изменений в теории и на

практике характеризует экономическую культуру общества/государства, позволяющей понимать какое сочетание формальных и неформальных отношений в институциональных преобразованиях приведет к желаемым результатам и в долговременной перспективе.

Представляется убедительным вывод Д. Норта, лауреата Нобелевской премии по экономике: «Расцвет и упадок Советского Союза является ошеломляющим примером того, как может работать человеческое стремление к созданию преднамеренно сконструированного общества. Я рассматриваю этот предмет более глубоко для того, чтобы проанализировать два аспекта экономических изменений: (1) неотъемлемые трудности, связанные с преднамеренными попытками изменения социального каркаса при весьма несовершенном знании игроков, и (2) процесс распада общества, которое борется с жесткими и ошибочными убеждениями, противостоящими попыткам начать фундаментальные изменения»⁴.

На необходимости последнего – фундаментальных изменений – выстраивают исследования отечественные ученые, опираясь на реалии существующего процесса преобразований, детерминированных реальными противоречиями общества/государства. Необходимо понимать главное обстоятельство таковых изменений в стране – уровень-то социально-экономического развития западных стран достигался в течение веков, и невозможно достигнуть этого за несколько десятилетий. Стремление от нетерпения как можно быстрее «перепрыгнуть канавку» (Ф.М. Достоевский) должно отсутствовать и во «внутренней» политике составляющих субъекта нации, и во «внешней» политике составляющих государства в стране.

О. Конт, Э. Дюркгейм рассматривали формы разделения труда как исторические этапы социального прогресса. Но что же на своеобразном первом месте: научно-технические достижения, техническое превосходство новейшего оборудования, что гарантирует доказательный успех той или иной общественно-экономической формации, или человек, чей интеллект в широком понимании общественного развития гарантирует успех того же?

¹ Сорокин П.А. Социологические теории современности. М.: ИНИОН, 1992. – С. 131, 194.

² Хайек Ф. Претензии знания... – С. 224.

³ См., например: Емельянов Ю.С., Хачатурян А.А. Человеческий капитал в модернизации России: Институциональный и корпоративный аспекты. М.: Едиториал УРСС, 2011.

⁴ Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. – С. 23.

России предстоит сложный переход к высоким технологиям, что требует не только радикального обновления оборудования, но и серьезной структуризации, в основе чего – длительный процесс преобразований в обществе/государстве. Основным предметом исследований и объектом дискуссий в советской экономической литературе была, как правило, «рабочая сила», общественно-экономические формы ее функционирования и т.д. Развитие экономических отношений объективно обостряет противоречия, происходят сдвиги в системе потребностей, структуре спроса и потребления, образе и качестве жизни человека.

На основе стратификации общества, во многих ее характеристиках изменяется суть менеджмента, совершенствующейся системы профессионального управления для достижения максимальной эффективности организации в конкурентной среде. Человеческие отношения в совместной деятельности стали признаваться доминирующим фактором производительности труда – «экономический» человек уступил место человеку «социальному».

Очевидна закономерность: чтобы оптимизировать институциональную структуру, мы должны осмысленно представлять себе причины существования отечественного институционального каркаса. Необходимым условием для осуществления перемен является понимание культурного наследия общества, чтобы не растерять по пути общенациональные ценности, сохранить их, не поддаваясь «нашептыванию змеев-искусителей» о допустимости потерь – временных, конечно, временных, – в силу обстоятельств. Мы должны иметь не только объяснимое понимание структуры представлений и убеждений, служащих фундаментом для существующих институтов, но и пределов, в рамках которых система представлений поддается изменениям, позволяющим создавать более эффективные институты и направления возможных структурных реформ, избегая прошлых ошибок нашей истории¹.

Многие политические и экономические решения в государстве «подчинялись» суждениям Адама Смита о «невидимой руке» рынка, который, мол, все будет расставлять по своим местам². Естественно,

что в отечественной спешке, соответствующей бытующим настроениям, не учитывалось, что рыночная философия и экономика насильственно внедрялась в сознание людей, откуда она выжигалась «каленным железом» в недавнем прошлом.

Обратим внимание на то, что современное западное общество представляет собой сопряженность четырех основных «организационных кластеров», фетишизированных под видом «модели современного общества»: капитализм как система товарного производства, сфокусированная на отношении между частной собственностью на капитал и наемным трудом; индустриализм как система использования неодушевленных источников энергии и машин в качестве основных средств производства товаров и услуг; нация-государство (или его эквиваленты) как координированная административная власть, осуществляющая всеобщий надзор; военная власть как концентрация средств насилия и контроль их применения³.

Одна из особенностей экономической компаративистики, нами разделяемая в разговоре об анти-системах (условно говоря: капитализм-социализм), – это введение Г. Хофстедом «ментальной программы» – измерителя ценностей и культур разных стран в анализе «их» экономик. Исследователи трансформационных процессов обращают внимание на то, что в таком подходе российские ученые сталкиваются с так называемым синдромом «социалистической ментальности» или феноменом «человека советского», которые продолжительное время будут присутствовать в сознании населения страны⁴.

Знание и понимание прошлого помогает оценить наше настоящее, оценить как в «зеркале», отражающем сделанное («...“Свет мой, зеркальце! Скажи // Да всю правду доложи: // Я ль на свете всех милее, // Всех румяней и белее?” // И ей зеркальце в ответ...»). Игнорирование закономерностей, унаследованной нами от прошлой структуры артефактов – институтов, приемов, внешних систем хранения символов и других ее (структуры) составляющих, в широком смысле представляющих собой наше культурное наследие – может привести

¹ См.: Маршак А.Л., Сергеев В.В. Социокультурная динамика в современном российском обществе. М.: НИЦ Академик, 2009.

² См.: «Невидимая рука» рынка / под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009.

³ Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge, 1992. – P. 55–60.

⁴ См.: Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х / под ред. Ю.А. Левады. М.: Мировой океан, 1993; Штомпка П. Социология социальных изменений / под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996; Латов Ю.В., Латова Н.В., Николаева С.И. Повседневная теневая экономика и национальная экономическая ментальность в постсоветской России: взаимосвязь индексов Г. Хофстеда и индикаторов теневой экономической деятельности. М.: ДиректМедиа, 2005.

к неудачам в стремлении повысить экономическую эффективность. Полагаем, эти обстоятельства имел в виду Д. Норт, когда писал о сложности процессов рыночной трансформации российской экономики, связанной с процессом формирования интерактивной экономики нового типа в условиях эволюции институционального каркаса.

Представляется, что Россия попала в своеобразную ловушку социолого-экономико-политического характера. На уровне обыденного сознания, можно сказать так: с одной стороны – обстоятельства, с другой – необходимость.

Во-первых, данные социологических мониторингов общества показывают, что желанные институциональные преобразования – не однолинейный, а сложный и продолжительный процесс. Речь идет о ценностях общества, ценностях человека, формирующихся под воздействием экономико-политических действий, направленных на соответствие интересов и потребностей человека интересам и потребностям общества и государства, на нивелирование нравственной усталости в обществе, во многом обусловленных малоэффективным набором прав собственности.

Во-вторых, экономические теории и практика постиндустриального развития подтверждают, что на первое место выдвигается не труд человека (труд совершают механизмы), а его интеллект и уровень образования, помогающие создавать все новые и новые механизмы, востребуемые развитием рыночной экономики в условиях глобализации¹. Нравственная усталость в обществе, детерминированная политической и экономической инерцией, начиная с конъюнктуры на сырьевых рынках, и рентаиспользуемой экономикой не в интересах народа, затрудняет эффективность производительных сил и производственных отношений, во многом обусловленных уточнением и совершенствованием прав собственности.

В-третьих, на первый план выдвигаются эффективные институциональные преобразования, обуславливающие глубокую модернизацию всех сфер жизни страны без использования экстенсивных, уже опробованных в нашей истории мобилизационных ресурсов. Интенсификация политических

ресурсов через институциональные преобразования – рациональная попытка выхода на уровень развития, достойный нашей истории и нашего потенциала, особенно если выйти за пределы экономических показателей.

Д. Норт обращает внимание на стержень эффективного, но сложнейшего пути институциональных преобразований. Именно государство определяет и применяет формальные экономические и политические «правила игры», что, естественно, является источником экономической производительности и эффективной политики на основе «обмена».

Упомянутый стержень – это права собственности, закрепленные в законах и правилах и определяющие порядок владения, использования, извлечения дохода, а также отчуждаемость ресурсов и активов². Мы многое знаем о государстве, ощущая его «действенность» на себе каждый день, но мало знаем, как его эффективно «лечить», ибо, по большому счету, сталкиваемся с тем, что необходимо «лечить» самих себя; однако переделывать себя как-то не хочется. Одно дело – обезличенный «обмен» отношениями между формальными и неформальными институтами в определенных точках пересечения интересов и потребностей, а другое – индивидуальный «обмен», где над формальными интересами превалируют неформальные, требующие иного уровня компетентности.

Развитие постиндустриального общества, как никогда ранее, во многом определяет доказанную актуальность воздействия институциональной среды на формирование экономических отношений субъектов, их поведение и интересы. Институты задают систему стимулов, направляя деятельность субъектов по соответствующему руслу, что снижает неопределенность и делает социально-экономическую среду более предсказуемой. Полагаем, что таковой анализ эффективности должен проходить на «поле» человеческого и социального ландшафта, постепенно изменяющегося отношения к собственности как в обществе, так и в государстве. (Как-то в Интернете прочитали: «Человеческий ландшафт – это возвышенности идеалов, сильно пересеченные низменностями интересов»).

¹ См., например: Наука и высокие технологии России на рубеже третьего тысячелетия: социально-экономические аспекты развития. М.: Наука, 2001; Константиновский Д.Л. Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы – начало 2000-х). М.: ЦСП, 2008; Маршак А.Л., Кувакова И.М., Соседов Г.А. Система образования в условиях модернизации современного российского общества: проблемы социальной многомерности. М.: Изд. дом «Спектр», 2010.

² Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. – С. 91.

Так, реформаторская деятельность по преобразованию тоталитарной, сверхмонополизированной, милитаризированной и малоэффективной российской экономики объективно создает свои «камни» на пути преломления совпадения потребностей и интересов человека с потребностями и интересами общества и государства. Закономерно, что сложность процесса упомянутых преобразований в саморегулирующейся рыночной системе наталкивается, помимо прочего, на трудности, связанные с крайне слабой подготовленностью большинства членов нашего общества к работе в новых рыночных условиях (вспомним «ментальную программу» Г. Хофстеда).

Как и всегда ранее, одной из важнейших характеристик общества и государства является достижимый социальный консенсус в процессе «обмена» – баланс интересов различных групп и слоев общества, выражающийся в социальном согласии по поводу распределения ресурсов и общественного продукта. Такой консенсус означает отказ от разрешения противоречий между экономической эффективностью, социальной справедливостью, экономической свободой на основе альтернативы «либо-либо». Оптимальное сочетание интересов достигается путем взаимодействия различных типов хозяйств и секторов экономики, использования многообразных форм экономического и социального регулирования. Главным инструментом увязки интересов и реализации социального консенсуса выступает государство с важной функцией – стимулирование бифуркации в интересах цивилизованности общества.

Убеждены, что переход к сбалансированному развитию, «размен» форсированного развития на качество роста становятся макроэкономическим эквивалентом модернизации.

Практика постиндустриального развития показывает, что должное место во многом детерминировано объективными вызовами времени, как на основе теорий Н.Д. Кондратьева и его последователя – Й. Шумпетера, так и на основе соответствующих технологических укладов (далее – ТУ). Человечество еще не успело в полной мере освоить возможности определенного пятого технологического уклада, как стало ощущаться приближение очередного уклада. Как считают специалисты, мы стоим на пороге освоения, по сути, не шестого индустриального, а первого постиндустриального ТУ (примерно 2030–2090 гг.), в основе которого, вероятно, будет наноэнергетика во всех мыслимых

сегодня проявлениях, а также много, о чем мир еще не знает¹.

Очевидно, что замещение технологических укладов требует, как правило, соответствующих изменений в социальных и институциональных системах, способствующих внедрению технологий нового уклада, соответствующих ему типа потребления, образа и качества жизни. Затем начинается фаза быстрого расширения нового ТУ, который становится основой экономического роста и занимает доминирующее положение в структуре экономики. В фазе роста нового уклада большинство технологических цепей перестраиваются в соответствии с его потребностями. В это же время зарождается новейший ТУ, который пребывает в эмбриональной фазе до достижения доминирующим укладом пределов роста, после чего начинается очередная технологическая революция.

Системное достижение поставленной цели – мы об объективном влиянии на модернизацию общества/государства – состоит в переходе российской экономики от экспортно-сырьевого к инновационному социально-ориентированному типу развития. Это позволит расширить конкурентный потенциал отечественной экономики за счет наращивания ее сравнительных преимуществ в науке, образовании и высоких технологиях и, на этой основе, задействовать новые источники роста экономики и повышения благосостояния. И здесь человек выступает не только и не столько в качестве рабочей силы или трудового ресурса, но как субъект труда и субъект творчества. Исходя из этого, конечно, меняются «технологии» выстраиваемого институционального каркаса общества/государства.

Практика развитых стран и продолжающиеся преобразования в России подтверждают, что достижение целей развития, успешная модернизация экономики и социальной сферы предполагает выстраивание эффективных механизмов взаимодействия между обществом, бизнесом и государством. Это и обуславливает координацию усилий всех сторон, обеспечение учета интересов различных социальных групп общества при выработке и проведении социально-экономической политики.

Убеждены, что развитие, модернизация России, при понимании сложностей объективно-субъективного характера, не соответствуют расхожему определению: «догоняющее развитие». Мы не догоняем, а объективно-субъективно развиваемся в

¹ См.: Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2011.

сложных условиях глобализации. Для нас предпочтительно определению «догоняющее развитие» другое: «Россия сосредотачивается» – известная фраза А.М. Горчакова, написанная им в депеше, разосланной в конце августа 1856 года в российские посольства за границей для пояснения наших планов и действий. «Россия не дуется, Россия сосредотачивается», – провозгласил великий русский канцлер полтора столетия тому назад.

В связи с вышеизложенным, очевидно стремление государственной власти продолжать, но более целенаправленно и осознанно, наведение эффективного «порядка» в своем «доме» («Россия сосредотачивается») Наведение «порядка в доме», наряду с пониманием происходящего вокруг, происходило и будет происходить с должным вниманием, опорой на удивительную «нравственную упругость» (Ю.В. Трифонов) народа.

«Не исключено, что Россия сейчас тоже сосредотачивается, – правомерно пишет академик РАЕН И.А. Гундарев. – Тот страшный монстр капитализма, казавшийся несокрушимым, который в начале 1990-х навалился на страну, заявив о себе как

об идеале эффективности и цивилизованности, оплевав наши ратные и трудовые жертвы XX века, унизив великий народ прозвищем «совки», вдруг оказался «голым королем». Люди перестают его бояться – «не так страшен черт, как его малюют». Рынок не создал за 20 лет ничего значительного, большой бизнес предстал неэффективным собственником, многократно уступая по производительности труда общенародной собственности. И чем глубже кризис, тем сильнее очищающее душу ощущение конца затянувшегося абсурда»¹.

На наш взгляд, понимание цивилизованности страны – это то, что государство со своими социально-политическими институтами способно и должно отстаивать и реализовывать различные интересы граждан и общества в стихии экономических, политических, культурных проблем.

Воплощение в повседневную практику жизни общества диалектически обусловленной формулы развития «демократия – человек – технологии» – показатель того, что Россия сможет реализовать свои потенциальные возможности и занимать достойное место среди ведущих мировых держав.

¹ См.: Гундарев И.А. Россия сосредотачивается // http://www.stoletie.ru/obschestvo/igor_gundarov_rossija_sosredotachivajetsa_2010-06-30.htm

Шитов А. П. – кандидат философских наук, доцент Московского государственного гуманитарно-экономического института

Shitov A. P. – Candidate of Philosophic Sciences, Associate Professor Moscow State Humanitarian and Economic Institute

Рубцова Л. В. – соискатель Московского государственного университета печати имени Ивана Федорова

Roubtsova L. V. – Competitor for Scientific Degree, Ivan Fyodorov Moscow State Printing University

e-mail: chei2005@yandex.ru; lidia.rubtsova@gmail.com

